

Милая моя...

Альфред Зайнуллин

Милая моя...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70653085

SelfPub; 2024

Аннотация

В одном небольшом городке жил мальчик по имени Арсений. Он жил лишь с матерью, отец погиб несколько лет назад. Всё время подросток только и делал, что ходил на "учёбу", сидел и до вечера слушал радио, съедая всё вкусное в доме, и ругался с матерью, приходившей с работы. Но однажды после очередной ссоры мать Арсения ушла из дома и пропала. Арсению придётся пройти трудности от порыва эмоций до потери друзей. И это не всё.

Альфред Зайнуллин

Милая моя...

Однажды на юге материка стоял небольшой городок, сквозь который протекала река, делящая его на 2 части. В этом городке, чуть дальше от центра, проживала семья Воробьёвых. Семья – преувеличенно сказано, ведь из семьи там была только мать Любовь Воробьёва да сын Арсений той же фамилии.

Любовь Даниловне на тот момент уже было 43 года, однако фигура и лицо её всё ещё сохраняли молодость. Родителей у неё уже в живых не было, а братья и сёстры все разъехались по разным частям страны. Мужа Владимира не стало ещё в её тридцати восьми летнем возрасте. Он был единственным её «хорошим знакомым» старше неё, потому что сама Любовь любила дружить с людьми по-младше, хотя у неё была лишь 1 подруга – Света.

Арсений Владимирович же был ещё подростком пятнадцати лет. Учился он плохо, хотя и до двоек не дошёл. В тайне от матери пил спиртное, гулял с друзьями, которые его и подсадили на это. Несмотря на это, воспитание отца ещё оставалось в силе. Девочек он не трогал, никого не обижал в школе, да и учителя, особенно литературы, хвалили его за хороший ум, который он к сожалению променял на гулянки да сплетни с друзьями.

Время 14:15, звенит звонок. Да, это школа. Наш Арсений находится в кабинете русского языка и литературы. Довольно молодая учительница в очках, кофте и школьных штанах, услышав звонок, прервала чтение какого-то рассказа, встала со стула и посмотрела на весь класс.

—

Так дети, на следующий урок даю вам дочитать произведение до конца. — Сказала учительница, после чего она закрыла книгу и продолжила. — У нас уже почти на носу День Матери, так что давайте к следующему уроку после того, как мы дочитаем рассказ, напишем стихотворения в адрес своим мамам. Напишите не менее 2 четверостиший, с душой давайте, всё-таки день матери.

—

Хорошо! — Сказали одновременно несколько учеников, уже торопясь сложить учебники в портфели.

Класс опустел, одноклассники Арсения торопились в кабинет следующего урока, как и он сам.

После школы Лёша уже с утомлённым видом шёл домой по недавно выпавшему снегу. Он пришёл домой, разделся, переоделся, легко упал на кровать и достал из рюкзака дневник, где за сегодня у него стояли две тройки и одна красивая, красующаяся лучше всех двойка.

—

Вот черти. Конечно! Я ведь обязательно должен был решить все 10 примеров, им 5 мало, видите ли я ленивая зад-

ница! Сегодня снова мамка нервы вытрепает... Как же эта жизнь меня достала! – Раздражённо и резко махая руками сказал он.

Квартира их была трёхкомнатной. Комната матери, сына и зал.

Лёша всегда после школы садился на кресло, ставил радио на стол рядом, и кушая всякие вкусняхи, слушал разные программы. И про политику и про писателей и про художников и про праздники, вообще на все темы. Под это радио он частенько засыпал. Так случилось и сегодня. Всё как обычно, стол с радио, мягкое кресло, выключенный свет и мамыны пирожки с мясом – его любимые.

В таком комфорте и расслаблении грех не заснуть в потоке голоса из радио или своих мыслей. Так он и поддался этой спокойной атмосфере, этой беззаботности о уроках, оценках, но это будет чуть позже.

На самом деле его цель на этот раз была не только расслабиться, но и послушать разные выступления на тему дня матери.

«Придётся что-то написать, а то так двоечником стану... Папа не обрадуется, я ведь клялся не опускаться до дна... Просто что-то послушаю, возьму да и напишу, чего тут морочить себе башку, пусть отличнички наши пыхтят над стихом, мне то всё равно» – Произнёс он эти лёгкие, беззаботные и даже немного завистливые мысли.

Слушая радио, он уже дремал, однако вдруг в радио про-

неслась фраза, такая любящая и заботливая «Милая моя...», дальше он ничего не услышал, а сразу же всё решил.

—

Милая моя... Это же отличное начало стихка, надо записать... — Произносил он вполголоса, несясь в свою комнату.

Быстрыми и точными движениями он достал тетрадь, перенал, так же ловко его открыл и записал: «Милая моя», дальше его уверенность в выполнении задания встала в тупик.

—

А чё дальше то писать..?

Прошла короткая пауза, нервная кастрюля воды в нём уже начала издавать пар. Он злился на самого себя, эти мысли сбивали его идеи к стиху и от этого он ещё сильнее раздражался. В конце концов вода вскипела и раздался звонкий удар. Обрушив весь гнев на свой стол, он пробил его насквозь. Тогда он пустил слезу, горькую слезу, и с полным поражением вошёл в свой тихий уголок. Наконец, спустя несколько минут он заснул под спокойную музыку из его родного радио.

Вскоре на фоне играющей музыки раздался звук замка. Любовь Даниловна вернулась домой. Она размотала свой мокрый шарф, с ним в руках сняла обувь, и даже не обращая внимания на звук радио, в первую очередь зашла на кухню, где на батарею положила шарфик, шапку и куртку.

Поставив чайник, она с уставшим видом села на стул и рукой стала придерживать голову. Время, судя по идущим

часам было почти восемь вечера.

Уставшая мать поднялась и пошла в комнату сына, где включив свет, она спокойно взяла его дневник. Конечно, открыв его, она не обрадовалась. Отбросив книжку с оценками на кровать сына, да ещё и увидев насквозь пробитый стол, она с огорчённым и усталым видом пошла в свою комнату.

Пока она переодевалась, очень пронзительно закипел чайник, его свист спокойно развеял сон Лёши. Тот рефлексом резко поднялся с кресла, и вот хотел было уже побежать выключать неприятно высоко кричащий чайник, но он споткнулся о стол и упал вместе с ним и рабочим радио.

Любовь Даниловна услышала этот звук и пошла в зал. Придя на место происшествия, она включила свет и обнаружила там лишь лежащий на боку стол и сломавшееся радио, как тогда подумала женщина. В этот момент чайник затих, а Любовь, поставив стол обратно, так и не смогла включить радио. Всё таки сломалось.

Она нервно напрягла руки, даже немного надавила на радио, но поймала мгновенное облегчение. Она подавила свои эмоции, как и делает всегда. Её сын постоянно что-то творит, хоть и никому не вредит, всё равно на него жалуются, особенно когда находят алкоголь в рюкзаке... Она всегда, хоть и сквозь горечь и злобу, успешно показывала сыну, что «верит» его отговоркам и оправданиям. Та же ситуация, когда его друзья пришли в гости. Хоть она и не была в тот момент дома и всё равно знала, что от сына обязательно оста-

нется беспорядок, была в полном шоке и растерянности от увиденного. Дома очень неприятно пахло дымом от сигарет, стол был не вытерт, повсюду крошки... И даже это не было главным толчком к запрету приглашать их в гости. Убираясь в комнате Лёши, под столом и кроватью она находила невероятное. Мёртвые тараканы, какой-то разлитый лимонад, кожуры от бананов, пластиковые бутылки... И даже окурки умудрились туда засунуть!

В этот же вечер она потеряла очень ценную вещь, скорее она так думала. Радио было подарено ей мужем Владимиром, которого она безумно любила. Именно во времена его жизни у них в семье были процветающие времена, хоть и тоже тяжёлые. Сейчас же... Понемногу она теряет всё, что приобрела тогда, как и её сын.

—

Мам, ты пришла. — Прозвучал голос Арсения, даже не заходившего в зал, что бы не увидеть мать.

—

Арсений, иди сюда. — Сказала она, смотря на радио и до сих пор сдерживая накапливаемый порыв эмоций.

—

Да что такое...? — Произнёс сын, войдя в зал.

—

Ты хоть под ноги смотреть научись, или не ставь радио так близко к себе... Хотя теперь ты его уже не поставишь. — Сказала она, не осмелившись посмотреть в глаза сыну.

Она всё так же смотрела на радио, не желающее издавать хоть какой-то звук.

–

Да чё уж тебе, сложно отнести его на ремонт? – Сказал Лёша, явно не хотая оставаться стоя перед матерью.

–

Опять мне на тебя деньги тратить, ты хоть попробуй заработать сам, а то совсем не уважаешь мой труд... – Сказала она сдавленным голосом, после чего подняла глаза на сына.

–

Опять тратить деньги, опять тратить чёртовы деньги! Ну конечно, это же ты на меня потратишь деньги, не для нас обоих! – Сказал возмущённый Лёша.

–

Ты же понимаешь, что это ты его сейчас сломал, а пользуешься им как раз-таки только ты. – Сказала Любовь, смотря сыну уже прямо в глаза.

–

Я ещё и виноват! Я вообще поставил его близко, потому что хотел сделать уроки, на день матери стих написать как раз-таки, это ты меня не уважаешь! – Сказал он возмущённо, постоянно смотря в разные стороны.

–

Может лучше хотя бы извинишься, а не будешь возмущаться. – Сказала женщина, пытаясь мирно решить конфликт.

–

За что извиняться!? Это я ещё и унижаться должен, а может ты лучше перестанешь ко мне придирааться, и просто сдашь на ремонт? Задолбала меня во всём винить... Правильно мои друзья говорят, мать у меня сумасшедшая, даже нормально к гостям отнестись не может, сразу же запретила гостить, высокомерная! – Сказал он возмущённо, нервно и иронично по отношению к матери.

–

Эти же друзья заставили меня час убирать дом после 12 часовой смены. Может сами бы хоть поработали где? Даже уроки ведь не делают...

–

Они прибирались, сами мне сказали, что всё убрали! – Сказал Арсений.

–

Что ты мне врёшь!? – Уже начиная срываться от такой наглости, начала ругаться Любовь Даниловна.

–

Не ори на меня!! Иди пей свой чай, а то я с голоду умру сейчас. – Сказал Арсений, уходя в свою комнату.

–

Стоять! Я тебя не отпускала. Хватит терпеть это! Отца не стало и ты совсем распоясался, я даже не помню последние твои тёплые слова или хотя бы грубую помощь, ты вообще ничего не делаешь!

–

Заткнись! Иди к чертям, не трогай меня, я ещё стих хотел ей написать, неблагодарная! – Услышала добивающие слова мать...

Ссоры у них были почти каждый день, однако так нагло сын никогда не высказывался, потому что стычки были на узкие темы, а тут стоило матери хоть что-то высказать по отношению к сыну, пошла серьёзная ответочка.

–

Ты как вообще позволяешь себе такое говорить!? Я же знаю, что это тебе твои дружки собутыльники всё это навязали, в тебе почти ничего отцовского не осталось! – Сказала, вдруг возобновив сдерживание эмоций, Любовь Даниловна.

После своего высказывания, она простояла в коридоре несколько секунд в тишине, которую нарушил грубо распахнувшаяся дверь комнаты сына. Тот вышел с бутылкой пива и ещё одним радио... Радио, которое подарил ему отец на день рождения, когда он в тот же год скончался... Тогда Лёша поклялся не трогать это радио, а оставить как памятник. Тогда он умел красиво говорить, а сейчас...

Любовь Воробьёва ахнула от изумления, когда Арсений буквально протаранил её своим шагом, будто она была для него заклятым врагом и обидчиком.

Арсений подошёл к креслу в зале, спихнул оттуда на пол крошки от пирожков с мясом, поднёс стол и уселся на это кресло. Поставив на стол радио, он включил на полную

громкость канал со страшными рассказами о преступниках, убийцах и похитителях, которых либо поймали и казнили, либо которые до сих пор на свободе проводят свои коварные и бездушные деяния. Он с наглым и гордым лицом сидел на кресле и пил пиво, положив одну ногу на другую.

Любовь Даниловна начала что-то жалобно говорить, но сын её не слушал. В конце концов она не выдержала и заплакала. Арсений увидел это и немного повернул колёсико громкости, сбавив силу звука. Его мать уже одевалась и громко ругалась. Арсений ничего не разобрал, однако всё-таки одна фраза дошла до его ушей.

—

Отец будет недоволен твоим поведением!! – Сказала она громко, хотя на этот раз сдержалась и ничего провокационного по отношению к сыну не сказала.

Дверь захлопнулась, а Алёша всё продолжал пить. Вскоре он взбесился и выключил радио, выбросив пустую алкогольную ёмкость на пол, от чего она разбилась...

—

Дура, такая дура! Куда она пойдёт? Да она в одиночку сама погибнет морально. У тебя ведь даже нормальных друзей нет, мать! – Сказал грубо и злобно пьяный Арсений, уже плетясь ногами, идя в комнату. Там он достал листок с начатым стихом и ручку...

Вот так он продолжил своё творение:

«Милая моя...

Отправляйся на кладбища,
Хоть в мир пеплица,
Только не беси меня
Дура»

Перечитав строки, он жирно зачеркнул последнее слово и оставил это четверостишие красоваться на своём столе. Бросив ручку на стол, он свалился на кровать и заснул... Храпом своим глушил он все звуки в доме.

Свет солнца уже бился во все возможные окна, но до Лёши они не доходили. Люди ходили на улице, словно уже давным давно проснулись... Так и есть.

Арсений открыл глаза, картинка перед ним была мыльная, потом стала чётче. У него был вид, будто он всю ночь где-то работал. Голова раскалывалась, из-за чего ему пришлось встать и пойти за таблеткой. Когда он уже шёл по коридору, чуть не упал. Абсолютно только-только проснувшийся разум, который не успел что-либо понять. Проходя мимо зала, он увидел куски стекла, но это его сильно не смутило.

Придя на кухню, он налил себе стакан воды, взял обычную беленькую таблетку. Пока он запивал лекарство водой, его глаза, наконец получившие волю смотреть куда угодно, посмотрели на часы. Время было уже за полдень.

—

Проспал... – Сказал он устало, поставив кружку на стол и дальше пойдя в ванную.

Приведя себя немного в порядок, он зашёл в зал, потому что вспомнил осколки стекла, которые он вроде как видел, а вроде как те ему померещились или вообще приснились. Всё-таки усталые глаза его не обманули.

–

Что вчера было... Мамка на работе... Хотя она бы прибралась, сама разбила что ли? – Начал раздумывать парень, как вдруг ему пришёл в голову не очень приятный сценарий.

–

Нет-нет-нет! – Сказал он, с испуганным лицом идя в свою комнату.

Его опасения подтвердились, бутылки не было в спрятанном месте, однако мыслил он всё ещё не в том направлении.

–

Может у друзей переночевать... Хотя что мне будет, она просто чуть поругается и всё, тоже мне проблема. Узнала и узнала, что я пью, вообще по барабану. – Успокоил себя он сладкими самоуверенными мыслями.

–

Сегодня отдыхаем, никаких уроков. Скажу, что голова утром болела.... А...А почему мать меня не разбудила? Она же всегда меня поднимает... – Недолго думал он над этим...

–

А, так она же бутылку увидела, наверное разозлилась и просто ушла, ха-ха, мне же лучше! – Последнее слово он

произнёс громко и весело.

Он снова зашёл в свою зону умиротворения и наслаждения, даже не заметив, что радио то совсем не домашнее. Подаренное отцом радио и домашнее сильно отличались, как минимум названием фирмы снизу.

Так он провёл ещё несколько часов, впитывая максимум хорошего для себя из радио. Оно ему по-настоящему заменило давние мамины сказки, когда он был маленький и рассказывать что-то ему без красивой обёртки было невозможно. Всегда с душой относятся люди к маленьким детям.

Полностью расслабленное тело вдруг встрепенулось от демонического и варварского звука стука в дверь. Как можно в такие моменты пугать, да ещё и так грубо стучать?

Лёша, даже не выключив радио, подошёл к двери и посмотрел в глазок. Перед ним предстал какой-то мужчина в пальто, очень тёплом пальто. Незнакомец прямо на глазах у Арсения ещё раз аккуратно постучал кулаком по двери.

—

Кто это? – Спросил Арсений.

—

Местный следователь Иван Филиппович Критиков, прибыл по делу вашей матери Любви Даниловны Воробьёвой. – Сказал дядька в пальто, показывая в глазок своё удостоверение.

Лёша без лишних слов побежал в зал отключать радио. Сделав дело, он открыл входную дверь для мужчины.

–

Что случилось?... Товарищ следователь... – Сказал, чувствуя себя неуверенно Лёша.

–

Вы не в курсе дела? Некая гражданка Светлана Григорьевна Добротная сегодня утром подала заявление о пропаже своей подруги, то есть вашей матери.

–

Подождите... Она же должна быть на работе... – Сказал Арсений, уже полностью веривший, что всё нормально, от того его смелость выросла.

–

Любовь Даниловна не была обнаружена на своём рабочем месте, да и начальство уже записало её, как отсутствующего работника. – Сказал совершенно спокойно следователь.

Уверенность и смелость резко отступили, их сменила тревожность, которая никогда так неожиданно не нападала на Лёшу.

–

Скажите, когда и где вы видели свою мать?

–

Вчера... Я помню только как она меня разбудила... И потом ничего.... – Сказал Арсений, подчинявшийся уже не рассудку, а эмоциям, причём далеко не самым лучшим.

Дальше всё как в тумане, Лёша стоял перед следователем, который что-то у него спрашивал и говорил, но сознание

мальчика уже не было в нашем мире. Он буквально погрузился во вчерашний день, всё время прокручивая у себя в голове момент с падением на пол... Снова и снова он его вспоминал, но продолжения не было, будто его понимание окружающего заснуло в тот момент, упало в обморок.

Вдруг он почувствовал, как его что-то трогает. Он проснулся. Оказалось это следователь положил свою руку Лёше на плечо.

—

Я вижу вы не в лучшем состоянии сейчас. Отдохните сейчас, когда всё обдумаете и будете готовы разговаривать, пожалуйста, зайдите к нам в участок, это и в наших и в ваших интересах найти Любовь Даниловну. — Сказал следователь, смотря в глаза Арсению.

Дядя милиционер попрощался с Лёшей и ушёл. Теперь, когда юноша был в полной тишине и одиночестве, он этому совсем не радовался...

—

Нет! Она точно где-нибудь спряталась что бы меня заставить переживать. Я не дамся на такой лисий ход! — Сказал он себе твёрдо, хотя где-то в глубине сердца и души своей он так и хотел завывать во весь голос...

—

Пойду уроки сделаю, что бы она поняла, что мной манипулировать не получится, сделаю в первый и последний раз.

Пусть порадуется, а потом останется со своим недовольным выражением лица и уже наконец поймёт, что в мою жизнь не стоит лезть. – Сказал он, чувствуя себя обманутым... Обманутым самим собой же.

Однако эти громкие слова отнюдь не стали движком к выполнению хитрого плана. Вроде бы он сел за стол, достал пепел, ручку и выпрямился, до конца дня он так и не оставит чернильный след на своей тетрадке. Шквал мыслей, целая буря потока мыслей одолевала его и ни секунды не давала ему заняться делом. Вскоре эти мысли стали едко плавить его разум, он устал от своего воображения, однако мозг не хотел так просто сдаваться...

В конце концов, просидев так часа три, он уже полностью изжил себя и нервы стали давать сбой. Он резко вскочил со стула и упал на кровать, мысли всё ещё умудрялись приходиться к нему голову и мучить нервы. Вот, вспышка злости и он со всей силы ударил по кровати, после чего сразу же завыл. Слезы наворачивались сами собой, Лёша не мог сдерживать внутреннего волка. Он так завыл, будто орал... Плакал, кричал и метался по кровати туда сюда. Сложно описать боль и страдания, которые он стал выпускать на волю, ведь их скопилось столько, что барьер просто лопнул. Он страдал, страдал по-настоящему, он осознал и поверил в потерю последнего напоминания о прекрасном и счастливом прошлом.

Теперь его ждала не та рутина, где он всегда ходил в школу, получал неприятные оценки, проказничал и сплетничал

с друзьями, потом приходил домой в полный комфорт, который в последствии нарушал призрак его матери, не дававший ему покоя вечером. Теперь его ждала расплата за всё, так он думал.

Следующим утром его глаза приветливо открылись, идеальное время для похода в школу – это была полная противоположность его состоянию. Его на самом деле можно было назвать убитым. Взгляд Арсения постоянно устремлялся в пустую бесконечность, он даже не думал. Его голова была просто пустой, от чего ему очень хотелось что-то сделать... Так он помыл посуду и заодно умылся. Поставил чайник.

Снова смотря на осколки в зале, он увидел в них признак ухода мамы. Будто он предал её, ведь его плохое отношение к алкоголю было единственной фантастической правдой в его и маминых глазах. Эта, казалось бы последняя правда, рухнула, пока он спал и не был в состоянии её снова восстановить.

Пока он пил чай, ему вдруг вспоминалось то самое счастливое прошлое, где он играл и веселился с мамой. Он вспомнил, как она называла его раньше «Арсяней», а перестала после ухода отца... Он снова заплакал. Слезы всё продолжались литься. Скованное и горькое чувство его просто не отпускало.

Так продолжалось около двух дней. В школу он и не думал ходить. Если сравнивать это время и время до ухода матери,

то он ел гораздо больше. Сейчас же он просто просыпался в полдень, весь день лежал и слушал, как к нему в квартиру ломятся то друзья, то одноклассники, то тётя Света, которую он тоже не хотел видеть. Всё время ему в окно прилетали снежки. Телефон звонил реже всех, однако два звонка в день стали обыденностью. Трубку он даже не думал поднимать.

Прошло два дня после исчезновения матери. Он всё так же встал ближе к полудню. Он уже не мог плакать, у него были опухшие глаза. Все слёзы он выплакал за эти два дня. Лёша всё-таки решил пойти к следователю и узнать, как продвигаются поиски.

—

Никаких зацепок нет, как будто Любовь Даниловна просто испарилась. В тот вечер её никто не видел, нам не на что опираться. Вся надежда только на вас, Арсений Владимирович. — Сказал тот же следователь Иван Филиппович.

—

Ясно... До свидания...

—

До свидания.

В вечер того же дня, когда оставалось буквально несколько дней до того самого злополучного дня, в котором Арсению будет уже некого искренне поздравлять, он наконец вышел просто прогуляться. В это время уже было темно, как в самую глубокую ночь лета. Холодные частички падали ему

прямо на лицо, но ему было всё равно. Выйдя на реку посреди города, которая делила это селение на две части, он пошёл по мосту. Остановившись в середине переправы через реку, он подошёл к ограде моста и посмотрел на ледяную извилистую полосу. Река уже замёрзла. Так же стал замерзать и сам Лёша, ведь на улице мороз был остёр и явно не с благими намерениями. Даже это никак не препятствовало умыслу Арсения...

Он забрался на самую ограду и в открытую предстал перед этим городом. Одно неверное движение и пропадёт и сам сын... Однако Лёше это не пугало. Он будто сошёл с ума, ведь в таком опасном положении с абсолютно спокойным лицом он распустил руки. Он будто спорил с самой смертью.

—

Эй, мальчик, а ну слезай оттуда! – Вдруг раздался мужской голос.

Это был милицейский, он явно был недоволен странным положением Арсения.

Наш герой среагировал быстро и потерял равновесие. Он чуть ли не упал, однако его вес больше устремился на сам мост. Хоть он и хорошенько так упал, это не остановило его. В нём будто пробудился инстинкт самосохранения, который ясно давал команду «Бежать!»

Он, полный адреналина, рванул в сторону, откуда пришёл сюда. Милицейский уже не гнался за ним, точно понял, что не догонит проказника.

Арсений добежал до дома, он даже не думал оглядываться. Главное, что постоянно стучало в его голове параллельно биению сердца «Зайти в подъезд, зайти в подъезд!». В конце концов, весь запыхавшийся, он хлопнул входной дверью своей квартиры. Наконец та самая берлога, где никакой волк его не достанет.

—

Тоже мне. Я что, глупый, что бы прыгать с моста? – Сказал он, раздеваясь, и при этом тяжело дыша.

Раздевшись и сняв обувь, он пошёл в зал.

—

Мне нельзя унывать... Лучше сейчас думать, что же на самом деле в тот вечер произошло... Если я буду ныть как девчонка какая-то, ничего не добьюсь. – Сказал он, доставая веник и совок с кухни.

Наконец-то он решил убрать эти осколки стекла. Подойдя к мусору того дня, он вдруг увидел сломанное радио на столе, рядом с этими осколками.

—

Чего чёрт возьми...? – Сказал он.

Оглянувшись, он понял, что оказывается использовал подаренное отцом радио. Он нарушил свою самую верную клятву в жизни. Веник с совком упали на пол. Перед его глазами вдруг предстал отец, который дарил ему это радио с улыбкой и любовью. Потом он вспомнил, как плакал от ужасной новости об отце в тот же год, и как горячо он обещал

маме, что никогда не включит это радио... Это радио должно было всю его жизнь молчать, как и всю жизнь бы молчал уже покойный папа...

Лёша не выдержал. Он, буквально несколько секунд назад будучи полностью уверенным, что не будет плакать, как девчонка, уже рыдал. Рыдал он не как какая-нибудь девчонка, а уже как новорождённый ребёнок. Он осознал, что предал и отца и мать. Как теперь ему жить с этим? Этим же вопросом он задавался в эти моменты.

Он снова упал на свою родную кровать, в которую он всегда пускал все слёзы. И сейчас она приняла всё его физическое воплощение страданий и боли.

Прошло несколько часов, а Лёша всё никак не мог придти в себя. Наконец, в уже глубокую ночь, он лежал и с красными глазами на кровати и смотрел в потолок.

«Я предатель, извините,
Ничто меня уже не успокоит,
Только вы меня простите,
Иль душа вихрём меня покроет...»

Эти слова он стал повторять в своей голове. Наконец он поднялся, достал тетрадь с будущим стихом на день матери. Он хотел написать эти строки, которые для него уже потеряли всякий смысл. Он так много раз их повторил, что даже стал запинаться. Открыв тетрадку со своими ужасными строками, он будто увидел их впервые. Он прочитал.

«Милая моя...

Отправляйся на кладбища,
Хоть в мир пеплица,
Только не беси меня»

Его зрачки расширились, будто он увидел реального динозавра, того, с шеей выше, чем у жирафа. Название этого динозавра Арсений не помнил. Однако не это было в его мыслях в этот момент. Он ещё раз прочитал:

«Отправляйся на кладбища»

Эта фраза будто была ключом, которым... Разум будто разблокировал его память. Он вспомнил всё. Всё, что говорил матери, всё, что он творил в тот вечер. А что самое главное, он вспомнил, почему написал эту строку. Перед уходом мама сама сказала, куда направляется.

В этот момент в его голове пробежались все самые ужасные сценарии, которые могли произойти за эти два дня. От такого потока ужаса он потерял сознание, и лёжа на столе он провёл всю ночь.

Утро. Арсений сам не помнил, как проснулся и как поднялся, он лишь знает, что как только увидел эту подсказку в стихе, сразу же стал бодрствовать. Он быстро поел кашу, которая стояла у них в шкафу около месяца. Парень быстро оделся, умылся, взял тетрадку со стихом с собой и пошёл одеваться уже на улицу.

Не думайте, что он сейчас полный уверенности и веры в лучшее. На самом деле сейчас в его голове смешано много эмоций. Он рад, что наконец нашёл что-то, что может при-

вести милицию к его маме. Он волнуется, ведь он понимает, что то, что он сделал в тот вечер непростительно и не обойдётся без наказания хотя бы со стороны тёти Светы. Самое сильное, что он чувствовал в этот момент – это страх, или даже скорее грусть со злостью. Он сильно переживал, ведь прошло более двух дней, а значит, если её похитили, то уже может быть поздно... Он злился на себя из-за его ужасного поступка и из-за этих строк.

Выйдя на улицу, он сразу же направился в путь. Ни прошло и минуты, как он вышел из дома, как вдруг его окликнул знакомый голос. Это были его друзья.

–

Здарова, мальчик-прогульщик, ты чего столько пропадал, а хлопец? – Спросил один из банды.

Этот парень был весь в прыщах, однако не сказать, что выглядел он ужасно. Все они были достаточно ухожены, на бандитов или хулиганов никто из них не был похож. Но даже не смотря на это, Арсений лучше всех остальных понимал, что это за люди. Ведь это именно они привели его к этому. Конечно, Лёшка понимал, что тут и не без его вины, однако он больше не собирался быть губкой, которая впитывает всю их натуру.

–

Привет, извините, мне нужно идти. – Сказал Арсений с недоброжелательным лицом, уходя.

Однако прыщавый парень, как и все остальные, не соби-

рался его так просто оставлять. Он схватил его за руку и не дал уйти.

–

Стой, это чё за друган такой, что даже не поздоровался нормально? – Сказал он, тресая руку Лёши.

–

Да-да, извини, но мне правда нужно идти, потом поговорим. – Сказал Арсений, надеясь на адекватное отношение «друзей» к его просьбе.

–

Стой, дебил! Чё за неуважение, мамка твоя что ли заперла и стала воспитывать, а? – Возразил парень, не отпуская руку Лёши.

–

Не говори так про неё. – Сказал Лёша, уже показывая раздражённость.

–

Ты же сам недавно пыхтел, что вон она какая тупая, не любит тебя! – Сказал другой пацан из их компании.

–

Я теперь другого мнения, и вообще я вам говорю, что мне нужно идти, почему эти слова мимо ушей ваших пролетают.

–

Сейчас у тебя мимо ушей пролетит мой предупреждающий, маменькин сынок! – Сказал недовольно и громко парень с прыщами.

–

Хорошо, я понял тебя. Извини меня... – Сказал, стараясь сдвинуть свои эмоции Арсений.

–

За что просишь прощения? – Это был не просто вопрос, это был провокационный вопрос, то есть прыщавый парень хотел прямо услышать, за что Лёша обязан извиниться.

Лёша не ответил словами, ведь прыщавому сразу же прилетел кулак прямо в нос. Из-за такой неожиданной атаки, да и вообще из-за боли, он отпустил руку Лёши и тот сразу же воспользовался ситуацией. Он мчался, определённо зная, что он останется в этой ситуации победителем, потому что у него было преимущество в виде неожиданности. Его «друзья», конечно, бежали за ним, но поняв, что из-за большого расстояния они его не догонят, решили отступить. Или же они просто будут поджидать его возле подъезда. Однако вся эта ненужная морока не мучила Арсения, его главная цель всё так же была в помощи расследованию и спасению мамы.

Наконец, он прибежал в участок и уже спустя несколько минут с полной уверенностью и с волнением изложил всё, всё что он помнит из того вечера. Но, Арсений хоть и состоял в банде дураков, он сам был с головой на плечах, поэтому о таких вещах, как алкоголь, он умолчал.

–

Хорошо, но даже если мы знаем куда она направилась, не факт, что мы сможем найти зацепку. – Сказал следователь.

Лёша ничего не ответил, его щёки уже были полны слёз.

—

Какой же я всё-таки идиот... — Сказал он, положив голову на стол и закрыв её руками.

—

Да, вы поступили ужасно. Но главное сейчас найти и спасти Любовь Сергеевну. Оставайтесь пока дома и никуда не уходите, потому что я могу наведаться к вам с любыми новостями в любой момент.

—

Хорошо... — Сказал Лёша.

—

К слову, вы наверное даже не подозреваете, но по закону мы должны были вас ещё через день после исчезновения единственного родителя отдать в детский дом, пока не нашлась бы ваша мать. Однако Светлана Григорьевна настояла, что она носит вам еду и каждый день навещает, и в случае длительного отсутствия матери, готова нести за вас временную ответственность. А в случае худшего исхода следствия готова вас усыновить. Поэтому сильно не стоит переживать о своём будущем.

—

Да я и так не переживаю... — Сказал Арсений, уже поднимаясь на ноги и идя к выходу.

—

До свидания. — Сказал Иван Филиппович, не получив от-

вета.

Дойдя до дома, он вдруг вспомнил, что врезал своему бывшему другу. Несмотря на это, никто его не поджидал возле подъезда и Лёша спокойно пришёл домой.

Весь день он сидел и смотрел старые семейные фотки, а перед сном включил радио, которое всю ночь так и звучало. Как раз перед сном, когда началась неинтересная для него передача, он переключил и остановился на каком-то неизвестном канале. На этом канале обсуждали бога и рассказывали про разные веры. Хоть Арсений и спал, он каким-то образом впитал всё, что во время сна говорили по радио.

Проснувшись уже ближе к полудню, он всё так же умылся, оделся. За столом, пока он пил чай с самодельными бутербродами, он, всё время молча, вдруг произнёс: «Бог есть».

—

Точно, бог есть. Наверняка он то меня и наказал за моё поведение... А простит ли он меня? Помолиться мне что ли...
— Стал рассуждать за столом Лёша.

—

Надо почитать про бога, точно! — Сказал Лёша, однако, перерыв все шкафы и полки, он не нашёл нужной ему книжки.

—

Тогда в библиотеку.

Когда он уже оделся, ему пришла мысль, что его могут

поджидать снизу. Посмотрев в глазок, он никого не увидел, тогда он подошёл к окну, где открывался вид на улицу со стороны его подъезда.

—

Эти дурачки даже не додумались спрятаться, вот и хрен вы меня дождётесь. — Сказал он с ухмылкой.

Следующие полчаса он пытался найти этот канал с рассуждениями про бога, однако такого не было ни на одном канале.

—

Этим радио, конечно, грешно продолжать пользоваться... Но папа, я думаю, если мама найдётся, ты простишь меня. — Сказал Арсений, пытаясь найти нужный канал.

В итоге он просто сел на пол и стал просить бога о помощи.

—

О боженька, помоги мне, прошу тебя. Я признаю все свои грехи и готов искупить их, прошу услышь меня и помоги, прошу услышь меня и помоги. — Эту фразу он повторял каждую минуту.

Вскоре он вообще стал запинаться и терять смысл слов, но, записав всё на бумажке, он продолжал. В конце концов он даже заплакал.

—

Я готов бросить всё, алкоголь, глупых друзей, свои плохие привычки, абсолютно всё, только услышь меня, пожа-

луйста!! – Горько и слёзно просил Арсений у бога, сидя на коленях.

Никогда он ни перед кем бы так не унижался. Особенно перед богом, в которого он не верил.

Он всё ещё до конца не верил в бога, но это было последним, что он мог сделать уже. И так весь день он проговаривал эту фразу...

Когда челюсть уже не могла нормально пошевелиться без боли, он удивлялся, как он ещё не бросил эту идею? Наконец, когда настал вечер, он уже заснувшим лежал на полу в зале.

Внезапно его сон прервал звук стучания в дверь, который пронзительно разорвал его сон и раздражал уши, так как продолжался довольно долго. Когда наконец из-за двери донёсся голос следователя, Лёша резко поднялся и подбежал к двери. Он открыл её и перед ним предстал... Иван Филиппович. Протирая глаза, он сонно спросил.

–

Что случилось?

Когда он наконец полностью увидел подъезд, он обомлел. Его изумление, удивление сразу же отразилось на лице. Казалось, как будто на его лице был ужас, однако слёзы и улыбка, которые он, как ни старался, не мог сдержать, уже всё за себя сказали. Да, перед ним стояла мама, самая настоящая, всё в той же своей обычной одежде, всё с теми же глазами и волосами. Одно только на ней было совсем другим – её выражение лица. Оно было счастливым, для Арсения видеть

маму такой радостной было экзотичным. Но это его почти не волновало. Он так сильно бросился в объятия к любимой маме, что та чуть не упала.

—

Ой-ой, ха-ха-ха, Арсяня мой. — Произнесла она эти слова, действующие на Лёшу, как теплота дома после морозной улицы.

И это не от того, что слова такие, это мамин родной голос, который он узнаёт из тысячи других. Этот тёплый, теплее всякой батареи зимой, вкуснее всяких пирожков с мясом голос сделал его самым счастливым человеком в мире на тот момент. Они оба рыдали.

В их счастливую встречу вмешался Иван Филиппович.

—

Любовь Даниловна, говорю при вашем сыне. Вы дали достаточно показаний на похитителей, их лавочка будет прикрыта в ближайшее время. А вы, Арсений Владимирович, настоящий спаситель. Несмотря на ужасный поступок, именно благодаря вам мы спасли Любовь Даниловну. Надеюсь, вы сделали для себя выводы, до свидания. — Сказал следователь.

—

Большое вам спасибо, мы вас не забудем! — Сказала Воробьёва, махая рукой следователю.

Весь вечер они провели в разговорах и счастливых слезах. Невозможно было удержаться. Никто из них ничего не скры-

вал, они рассказали всё, что делали в эти дни. Лёша миллион раз извинился, несмотря на то, что мама постоянно говорила о ненужности этих извинений.

Арсений очень сильно изменился. Казалось бы, даже недели не прошло, а он за это время стал совсем другим человеком.

Уже через сутки настанет тот самый день, который будет лучшим праздником для него и его матери за последние годы. Лёша в конце концов хоть и не сочинил стих, он взял стихотворение одного поэта и рассказал его с выражением. Причём с таким выражением, в котором чувствовалась горящая душа Лёши. Конечно же, за выражение ему поставили твёрдую пятёрку.

На день матери он не скупился. Купил большой букет цветов и починил домашнее сломанное радио, точнее сдал его в ремонт. Хотите спросить, откуда у него столько денег? Помните его бывших друзей? Так он им как пригрозил, что сдаст милиции, когда они были все пьяны. Так те так испугались да и отдали все оставшиеся деньги, а там было не мало... Думаете он их так просто оставил? Нет, конечно он их сдал, только не милиции, а родителям их. А что с этими парнями дальше происходило, Лёшу уже не интересовало. Он готовился к главному событию.

Когда Любовь Сергеевна пришла домой, её ждал огромный сюрприз. Пышный букет цветов, причём не только магазинных, а ещё и полевых. Он даже записал маму на массаж,

они тогда конечно посмеялись, однако это был очень приятный подарок. Рассказав выразительно тот самый стих одного поэта, он вручил маме букет цветов и починенное радио. В этот момент он поклялся всегда проявлять уважение к маме и любить её, несмотря ни на что.

Зайнуллин Альфред.